

ЭЛАМСКИЙ ДИАЛОГ ГИЛЬГАМЕША И СИДУРИ И ДРУГИЕ ЭЛАМСКИЕ ТЕКСТЫ ИЗ АРГИШТИХИНЕЛЕ (АРМАВИР)

Доктор ист. наук И. М. ДЬЯКОНОВ.
доктор ист. наук Н. Б. ЯНКОВСКАЯ (Ленинград)

В этой находке из раскопок Института археологии Академии наук Армянской ССР (под рук. Г. А. Тирацяна) поразительно все: и место находки эламской клинописи, и жанр текстов, коп которых найдено пока три.

Главная, почти целая табличка уникальна для всей клинописной дипломатики. Это запись, относящаяся к кругу текстов, связанных с именем самого популярного героя древности—Гильгамеша. Составлена она в форме сценария: партии двух солистов—Гильгамеша и Сидури (здесь Шидури), и хора, комментирующего главную тему диалога двумя ключевыми фразами, варьирующими оценку: «много желаний» (*tukka mil*)—«много жертв» (*ullu mil*). Запись подтверждает предположенное в свое время де Лнагром Бёлем исполнение эпического текста на два голоса. Факт театрализации эпоса—момент очень важный не только для характеристики данного текста. Устойчивое влияние на письменную литературу устной традиции, систематически наблюдавшееся В. К. Афанасьевой для клинописных текстов литературного жанра¹, находит тем самым объяснение в оформлении по их сюжетам праздничных представлений. Экскурс в историю античного театра, сохранившего нам реалии древности, в аспекте, предложенном недавно А. И. Янковским (1988), обнаруживает обычно не учитываемую громадную роль ведущего актера-постановщика, которая может объяснить и здесь появление эламского языка (на таком громадном расстоянии от Элама!)—*представление идет на языке главного актера*. К этому вопросу мы вернемся в конце статьи, комментируя текст в целом.

Все три эламских текста найдены при раскопках восточной цитадели Аргиштихинеле—города, основанного Аргишти I, который царствовал почти четверть века. Период стабильности исключительный для Урарту, пора его высшего расцвета и успешной конкуренции с Ассирией за гегемонию в Передней Азии. Холм Армавир-блур расположен к северу от р. Аракс; на нем находилась цитадель, у подножья холма в западном направлении простирался собственно город. Тексты найдены внутри цитадели, в южной ее части, в здании, примыкающем к храму.

Эламский язык главного текста был опознан И. М. Дьяконовым, но первоначально он предположил, что это дипломатическое или деловое письмо, так как в тексте отчетливо обозначена прямая речь. В дальнейшем, при повторном автографировании табличек, Н. Б. Янковская обратила внимание на повторы в тексте и пробелы, присущие только жанру литературных текстов. Такие пробелы отмечают переходы сюжета, в хеттских текстах их заменяют отчеркивания пассажей. Прочтя по всему тексту введение речи Гильгамеша, переданное словами *GIS pa-an-gi* и отметив собеседницу Гильгамеша как Сидури (*Šiduri pa-an-gi*), Н. Б. Янковская с уверенностью заключила, что речь идет о диалоге Гильгамеша и Сидури, которым вторит хор (вводимый идеограммой

¹ История всемирной литературы, Т. I, М., 1983, и в других исследованиях В. К. Афанасьевой. Факт, ставший общепринятым среди шумерологов и ассириологов.

РАР—«все»). Два фрагмента от других табличек, также составленных по-эламски, видимо, связаны с тем же ритуалом представления.

Здесь предлагается первая попытка обработки всех трех текстов, пока что уникальных и поэтому, несомненно, подлежащих дальнейшему исследованию. При слабой изученности эламского языка адекватное прочтение их сопряжено со значительными трудностями. Тем не менее, ценность их такова, что они должны быть введены в науку незамедлительно. Кроме значения текстов для исследования собственно эламского языка, они представляют большой интерес и сюжетно. До сих пор эпос о Гильгамеше был известен на четырех языках: шумерском и аккадском для Двуречья, хеттском и хурритском для Малой Азии, теперь возник пятый—эламский. Хронологически он древнее лишь наиболее литературно разработанной ниневийской версии, но типологически, как обрядовая запись—чрезвычайно архаичен. Характерно написание имени главного героя—GIS («дубина»), которое связывает наш текст со старо-вавилонским. Эламская культурная традиция по идее и должна была дать архаичный образец, так как эта страна сохраняла традиции предгорий, которые лидировали в глубокой древности, до освоения низовий великих рек.

Государство Элам располагалось на юго-западе Ирана, в современных провинциях Хузистана и Фарса, до VI в. до н. э. Замечательно, что язык эламитян отдаленно родственен языкам народа брауи в Белуджистане (на юге Афганистана и на юго-западе Пакистана) и народов—носителей дравидских языков в южной Индии, аборигенных для этой страны². Такая языковая, а следовательно, и культурная ориентация характерна для рассматриваемого региона в различные периоды древности. Напомним об индоиранской династии государства Миттани, созданного хурритами, родственными урартам, и о парфянской династии в Армении, также обнаруживающей значение этого региона как моста между Востоком и Западом. Восточные связи страны менее изучены, чем западные, хотя значение их громадно.

Не считая не прочтенных пока протоэламских надписей начала III тыс. до н. э. (расшифровка которых, как кажется, начинает получаться у А. А. Ваймана), до нас дошел международный договор III тыс. до н. э., дошли царские надписи на эламском языке, перевод на эламокий язык большой Бисутунской надписи Дария I (конец VI в. до н. э.), где эламский является вторым (если не исходным!) после персидского, аккадский же—третьим, и административно-хозяйственные документы разных эпох (вплоть до V в. до н. э.). Естественно, что лексика их всех *в корне отличается от лексики литературных текстов*, поэтому опорными для чтения и перевода нашего текста они служить не могут, позволяя дать лишь очень далекие примерные вехи.

Текст начал осмысляться с момента, когда удалось ухватить его построение, поэтому мы даем его транскрипцию не только построчно, как это принято в изданиях трафаретных записей, а с учетом особой его структуры, выделяя пробелы, отмеченные самим писцом, дабы не тащить читателя по смысловому «бездорожью» сплошной записи, присущей «клинописным» текстам из-за вынужденной экономии места на глиняных табличках. Попытки грамматической интерпретации текста полностью принадлежат И. М. Дьяконову. В основу перевода положены данные большого эламского двухтомного словаря, недавно изданного В. Хинцем и Э. Кох (1987). Цитируемые там старые переводы контек-

² David W. McAlpin. Proto-Elamo-Dravidian. Univ. of Pennsylvania, 1981.

тов часто оказывали большую помощь, чем новые переводы глосс, предложенные составителями словаря; тем не менее, без этого словаря, где учтены все контексты, и едва намеченный нами перевод вряд ли состоялся бы.

Основная табличка—на необожженной глине. Первоначально текст имел до четырех десятков строк. В разной степени сохранности уцелело около 28. Сбит верхний правый угол, которым табличка ударилась, соскользнув откуда-то сверху; отскочил верхний край—тем самым текст утратил начало и конец. От трех боковых строчек уцелели последние знаки—по одному от каждой строки; единственная строка другой боковой стороны (возможно, колофон) безнадежно выщерблена. Разъеден солями и осыпался оборот текста, частично восстанавливающийся благодаря присушим тексту повторам.

Сохранившиеся от двух других текстов обломки сделаны из разной глины: один из серой (необожженной), той же, что и главный текст, другой из кремовой (обожженной), значительно лучшего качества. Оба фрагмента относятся к таблицам крупного формата. Первый обломок исписан с обеих сторон: в нем упоминаются два имени с детерминативом женщины М₁—Пираддарак и Шутийяш; трава и финики (в шумеро-аккадской клинописи—«смоквы»), затем идет не вполне понятный текст и имя хуррита—Зике сын Бенуну; в конце фраза: «желаемое обретет [постоянно]» (*tukka ig du-tap-ga*). Во втором фрагменте текст почти полностью стерт, и оборот пуст, в заключительной строке читается: «всего 9 ежедневно принимают внутрь» (9 P_{AP} UD.DA ha-mi-ir) (перевод условный).

В настоящей статье предлагается автография всех трех текстов и транслитерация их на основе отождествления знаков по Хэллоку, относящихся заведомо к текстам других периодов и жанров, за неимением пока жанра литературных текстов на эламском, кроме публикуемой таблички. Тем самым, в дальнейшем возможны поправки не только к толкованиям лексики, но и к чтениям знаков. Часть лучше читаемых строк главного текста снабжена комментарием в меру доступного к настоящему времени их понимания.

* * *

Для грамматического разбора текста мы пользовались очерком эламской грамматики И. М. Дьяконова³, однако в настоящее время есть превосходное пособие Франсуазы Грильо-Сусини⁴; единственное, в чем мы расходимся с ее грамматической трактовкой, заключается в том, что мы считаем -та- в глагольных формах показателем несовершенного вида, в то время как Грильо видит здесь составной глагол с основой, соединенной со вспомогательным глаголом та-. Это, однако, не отражается на смысле переводов.

Грамматическая справка к текстам

Перфект транзитива		Наклонение
1 л. -h>-Ø	мн. ч. -h-h/u/	-ni (пожелательное)
2 л. -t/l/	-h- ht(i)	-ut (подтвердительное)
3 л. -š	-h-š/l/	-ta (сослагательное)

³ И. М. Дьяконов. Эламский язык, гл. III.—Языки древней Передней Азии, М., 1967, с. 85—112.

⁴ F. Grilhot-Susini. *Éléments de Grammaire Elamite*. Paris, 1987.

Вид	Герундий (причастие)
-та-	-п -к
Перфект интранзитива	Герундив
1 л. -к	-п-к
2 л. -t/a	-п-t
3 л. -г 3 л. мн. ч. -p(i)	-п-г
Спряжение причастия	Спряжение герундива
1 л. -к-к ₁	ед. ч. -п-к a/ мн. ч. -п-р ₁
2 л. -к-t	-п-t/a/ (лицо)
3 л. -к-г 3 (лицо) мн. ч. -к-р ₁	-п-t a/
-к (вещь)	-п (вещь)
-г 3 л. местоимения (субъект и объект), -та-га знак конца прямой речи	
Репетитивная конечная частица	
1 л. -ка, 2 л. -та, 3 л. -га, мн. ч. -р ₁	
-а союзно-сослагательная частица	

Пояснение к переводу:

Гильгамеш, явившись за помощью к богине Шидури (аккадск. Siduri sabitu— «Сидури, чашница») обращается к ней с просьбой о магической «траве рождения»; его просьбу поддерживает хор (возможно, соответствуют 70 юношам, отправившимся с ним против чудовища Хуавы в шумерской песне «Гильгамеш к горе Бессмертного»). Гильгамеш жалуется, что некие семь предметов (возможно, знаков власти—лучей) отняты у него богами. Шидури отказывается дать волшебную траву, потому что рожать—дело женщины, а не мужчин. (Смоквы, многократно поминаемые в тексте, по наблюдениям В. Ламберта, употребляются в брачном обряде: женщина сжимает плод в руке, выдавливая сок). Гильгамеш настаивает, ссылаясь на тяготы и потребность спастись от страха смерти, зачать сына. (Ср. то же в эпосе об Этане). В классической ассирийской версии эпизод сильно поврежден и воспринимался как проходной, праву же под названием «старик молодеет» герой находит по подсказке жены Утиапиштима, допотопного мудреца, спасшегося от гибели подсказкой бога Эйн. Но и эту траву герой не сберег.

Оборот таблицы сильно поврежден и требует труднейшей доработки, по-видимому, там содержится исход просьбы героя:

Предварительный перевод:

1 ..... 2 ради богов ..... 3 (которые?) перед Шидури, и ты ..... 4 «воистину я бежал (?), помоги!»—сказал он. (Пробел)
 «Желания многие 5 обретены»—
 —десять раз десять смокв (пропущенный пробел).
 Шидури [чашница?] говорит:

«Женщине—рожать, тебе—нажать!»—сказала. (Пробел)

Хор:

7 «Желанчя многие обретены»—

—десять раз десять смокв—

«Перед богами ⁸ и перед людьми ⁹ десять дней он это приносил тебе».

Гильгамеш говорит:

«7 [предметов] ⁹ что боги отняли, а как Солнце взойдет—это жизнь ¹⁰ Гильгамеша!»—сказал.

Хор подхватывает:

«Трава, от которой женщина родит,—это я беру ради сына!»

—жертва, жертва, трапеза—

11 «Под (страхом) смерти, о муж. я взял ее!

Женщина, воистину нам тут помоги!»—сказал. (Пробел)

12 «Перед нами многие жертвы обретены».

—десять раз десять смокв—

Хор:

«Они потребованы ¹³ ради богини желаня да будут высказаны тебе!»

Гильгамеш говорит:

14 «Речь (эта)—ради богов, желаня да будут высказаны!»

(Пробел) Хор подхватывает:

«Растение «Женщине—рожать!» ¹⁵ что до тебя, женщина, воистину мы здесь!»

«Пособи, ты приносишь, аš-še я отдал»—сказал.

16 (Пробел) Хор:

«Перед нами жертвы многие обретены»

—десять раз десять смокв—

17 «многие обретены, для тебя объявлены!»

(Далее текст не поддается переводу)

Транскрипция текстов

Текст № I

- 1 .../.../.../...
 2 /nap-pa-bad-da x/...
 3 Ši-du-ri-bad-ma nu-ja...
 4 ti-ha-hu-ut taš-ma-ra (*Blank*) [tuk-ka₁ mi-ul]
 5 du-ha-pi X da-na X GIŠ.PÈŠ ^MŠi-du[-ri x x x]
 6 na-an-ri MÍ ku-ši nu-ja har-ma-ra (*Blank*)
 7 tuk-ka mi-ul du-ha-pi X da-na X GIŠ.PÈŠ nap-[pa-bad-ma]
 8 ru-bad-ma X UD ir lu-iš-ti nu-un Giš na-an-ri 7 [x x x]
 9 nap-pa-ir mar-ri-iš-da-ra a-ak ku-ba-da ^dUTU-da ka-ta[ni]-m[e](?)
 10 Giš-na PAP Ū MÍ ku-ša nu-ja ir da-a pu-bad-ma ul-lu MIN gal
 11 ia-me-ma e ru-ir du-a ri-ti a-ha-hu-ut taš-ma-ra (*Blank*)
 12 nu-ku-bad-ma ul-lu mi-ul du-lia-pi X da-na X GIŠ.PÈŠ PAP nu-ha-pi
 13 MÍ nap-pa-bad-da tuk-ka ti-ri-man-ri nu-un Giš na-an-ri
 14 ti-ri nap-pa-bad-da tuk-ka ti-ri-man-ri PAP Ū MÍ ku-ši
 15 nu-ja ^mri-ti a-ha-hu-ut da-a-hi aš-se du-nu-ma-ra
 16 (*Blank*) PAP nu-ku-bad-ma ul-lu mi-ul du-ha-pi X da-na X GIŠ.PÈŠ
 17 mi?-ul? du-ha-pi nu-un nu-ha-pi (etc.)

Текст № 2

(obv.) 1...]ka-ni M¹P¹ir-ad-da-rak
 2...]ŠE M¹Šu-ti-ja-aš la-pi
 3...]-... .. x Ú il-da UD.DA
 4...]x-da ŠE M¹Šu-ti-ja-aš
 5...]x x aš ab x NITAH
 6...]PAP
 7...] x x
 (rev.) 1...] GIŠ.PÈŠ
 2...] x kam?
 3...]iš-da-še-zi
 4...]x ma zi-ja-ak a-ak
 5...]ap-ha-ra-ak a-ak
 6...]Zi-ge A.HI Be-nu-nu
 7...]-ti-da-ak a-ak
 8...]-pe i-ku i-gi
 9...]tuk-ka, ir du-ma-p-ra

Текст № 3

1...]x
 2...]p¹ m¹k-ka?-x x
 3...]GIŠ x hu x x gi
 4...]x x x x -gi
 5...] x x x
 6...]ir? -da? -ap-ra
 7...]x az? be-ti-su?
 8...]x ku-ut i-ba i-da
 9...]9 PAP UD.DA ha-mi-ip

Разбор текста

Учитывая ненадежность чтения текста, толкование его предлагается как вспомогательная рабочая гипотеза.

Напомним сюжетную канву эпизода с Сидури, как она представлена в поздней версии аккадского эпоса о Гильгамеше: пройдя туннель под грядой гор, окаймляющих землю, Гильгамеш попал в каменный сад на краю света. Здесь текст разрушен, и мы находим героя близ жилища Сидури, божественной корчмарки. Она заводит с ним разговор, содержание которого неясно (текст разрушен). В старо-вавилонской версии она объясняла ему, что поиски вечной жизни бесплодны (а за этим он и кинулся на край света, потрясенный смертью друга, Эпкпду). Сидури говорит ему: «боги, когда создавали человека, смерть они определили человеку, жизнь в своих руках удержали». Советует ему вернуться домой, к жене и детям, и радоваться отпущенной ему жизни. Гильгамеш в ассирийской версии каким-то образом узнал дорогу к бессмертному Утпапшти через перевозчика Уршанабп. Этот

последний под именем Сурсунабу (табл. Мейснера) есть и в старо-вавилонской версии, но описание потопа в старо-вавилонской версии, несомненно, отсутствует, и текст, видимо, завершался получением волшебной травы. Чтобы переправиться через воды смерти было сделано 120 шестов, но их не хватило, и Гильгамеш поставил парус из своей одежды (мотив, присутствующий в этрусской серии изображений странствия юного Геракла). В ассирийской версии следует рассказ Утнапишти о потопе (интерполяция). Через жену Утнапишти Гильгамеш узнает о «траве молодости», достает ее со дна колодца, но в дороге траву поглотила змея (или хамелеон), и герой возвращается ни с чем. Думается, что эта трава входит в одну мифологему с «травой рождения» эпоса об Этанс и нашего эламского текста.

Вероятно, наш текст представляет заключительный эпизод, совпадающий со старо-вавилонской версией, где Сидури исполняла функцию, передающую ассирийской версией жене Утнапишти.

Не исключено, что наш текст—не кусок эпоса, а самостоятельная запись ритуала (интронизационного?), построенного на участии в действии широко известных мифологических фигур, наподобие того, как царь Соломон в Песне Песней па деле был женихом свадебного обряда. Гильгамеш в народных поверьях был царем-судьей мертвых (так и Геракл, отождествленный в поздней Вавилонии с Нергалом); Сидури же—богиня—подательница жизни, напиток бессмертия амвросии, как умирающая и воскрешаемая Зевсом Плеяда, также обитавшая на краю света.

Как бы то ни было, главный текст со сценарной записью диалога Гильгамеша и Сидури, будучи найден вместе с двумя обломками на эламском же языке, принадлежал эламитянам, вероятно, актерской труппе, в которой лидировал эламитянин. Большой текст по своему почерку представляет скорописный набросок, сделанный рукой мастера, думается, что актера-постановщика праздничной программы в связи с интронизацией Сардури II. Последний вступил па трон Урарту одновременно с новым царем в Эламе (760 г. до н. э.). Хумпантахраху—основателем ново-эламской династии.

В отличие от главного текста, два других явно подражательны по своему почерку. Это особенно ясно по фрагменту, исписанному с обеих сторон: в нем нарушено главное правило передачи клинописных знаков—выделение вертикальных клиньев, как основы композиции знака (там, где они есть), вместо этого с грубым нажимом и косо воспроизведены горизонтальные знаки, вертикальные же с ножкой не толще волоска—так передают только внутреннюю штриховку сложных знаков, чтобы не повредить ведущих клиньев. В копии эту особенность почерка не передать. Если лицевая сторона обломка копирует скоропись главного текста, то оборот заполнен, напротив, «печатными буквами», похожими па урартские письма из Кармир-блур и Бастама.

В хурритской среде, родственной урартам как по языку, так и по воспринятым традициям культуры, интронизация наследника обычно совмещалась с брачной церемонией женитьбы на принцессе главного союзника. Так, восшествие на престол Аррапхи ИтхиТешуба сопровождалось браком его и Амминайи, дочери царя Митанни; точно также интронизация митаннийского принца Шаттивасы сопровождалась передачей ему в жены хеттской царевны, дочери Суппилулиумы, под-

держивавшего Шаттивасу в его борьбе за престол Митанни. В этой связи получает смысл мотив рождающей женщины и «травы рождения» в нашем тексте, так же как и привлечение в обряде интропизации Сидури—подательницы жизненных сил. Обмен принцессами между Урарту и Эламом, как главным союзником против Ассирии, вполне вероятен. Это объяснило бы и появление в Урарту эламской сценической постановки и эламского постановщика.

**ԳԻԼԳԱՄԵՇԻ ԵՎ ՍԻԴՈՒՐԻԻ ԷԼԱՄԵՐԻՆ ԵՐԿԵՈՍՈՒԹՅՈՒՆԸ
ԵՎ ԷԼԱՄԱԿԱՆ ԱՅԼ ՏԵՔՍՏԵՐ ԱՐԳԻՇՏԻԵՒՆԵԼԵԻՑ (ԱՐՄԱՎԻՐ)**

Պատմ. գիտ. դպրոցը Ի. Մ. ԴՅԱԿՈՆՈՎ,
պատմ. գիտ. դպրոցը Ն. Բ. ՏԱՆԿՈՎՍԿԱՅԱ (Լենինգրադ)

Ա մ փ ո փ ո ս մ

ԷԿՍՆ ԳԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի արշավախումբը (ղեկ. Գ. Տիրացյան) Արմավիրում ձեռնարկած պեղումների ժամանակ հայտնաբերեց երեք կավե տախտակների բեկորներ սեպագիր արձանագրություններով: Նրանց վերծանումը հանգեցրեց միանգամայն անսպասելի արդյունքների: Նախ պարզվեց, որ արձանագրությունների լեզուն էլամերեն է, հին արևելյան ձանաչված լեզուներից մեկը: Ապա հայտնի դարձավ, որ արձանագրություններից մեծը անմիջականորեն առնչվում է հին արևելյան հանրածանոթ առասպելական հերոսի՝ Գիլգամեշի անվան հետ: Արձանագրությունը կազմված է սցենարի ձևով, որի մեջ հանդես են գալիս մենակատարները՝ Գիլգամեշն ու Սիդուրին և խումբը, այլ խոսքով ասած՝ Գիլգամեշի էպոսը ներկայացված է թատերականացված ձևով, որն ինքնին չափազանց հետաքրքիր երևույթ է: Ատացվում է, որ արձանագիր տախտակները կապված են ներկայացման արարողության հետ: Գիլգամեշի մասին էպոսը հայտնի էր մինչև այժմ չորս լեզուներով՝ շումերերեն, ակկադերեն, խեթերեն և խուրիերեն: Արմավիրի գյուղը լեզվական տարբերակների թիվը հասցնում է հինգի: Տեքստերը, ըստ երևույթի, պատկանել են էլամցիներից կազմված թատերական խմբին, որը մասնակցում էր Ուրարտուի թագավոր Սարգուրի II-ի գահակալման հանդեսին (մոտ մ. թ. ա. 760 թ.), որ տվյալ դեպքում զուգահեյլ էր թագավորի ամուսնությանը էլամուհու հետ: